

изложено упорядоченно, ясно, часто с очень большой живостью и представляет собой констатацию общепринятого в XIII веке взгляда на Вселенную, который, впрочем, нигде не был таким последовательным, как в Оксфорде, особенно до философской реформы св. Фомы Аквинского.

«Сумма философии» разделена на трактаты, подобно «Метафизике» Авиценны. Трактат I можно рассматривать как любопытную «историю философии», в которой приводятся сведения, заимствованные главным образом у Аристотеля, Августина и Исидора Севильского. Начиная от Авраама, который был открывателем монотеизма и научил египтян арифметике и астрономии, эта история доходит до XIII века, охватывая греков, латинян (среди которых мы встречаем Плотина), арабов, испанцев — мусульман и христиан (аль-Газали объявлен христианином), и завершается на современниках автора. До эпохи Феодосия все философы прошлого совершали грубейшие ошибки в том, что касается Бога, человеческой души и будущей жизни. В области философии природы очень немногие из них — за исключением перипатетиков и Боэция — придерживались правильных воззрений. Впрочем, интересно отметить, что в этой истории не

373

3. От Гроссетеста до Пеккама: В. «Сумма философии» XIII в.

представлены христиане-латиняне после Боэция и до конца XII века. Правда, в ходе своего повествования автор цитирует некоторых из них, но в его глазах это не философы, а теологи. С точки зрения принятой им исторической перспективы, латинский Запад только недавно соприкоснулся с философией, и все, что он говорит об этом, сводится к следующему: «Есть еще много других замечательных людей в философии, имен которых мы не знаем, хотя и изучали философию, или не без причины умалчиваем о них (*quorum... nomina tamen vel ignoramus vel non sine causa reticemus*). Мы же полагаем, что Иоанн Перипатетик [Иоанн Солсберий-ский?] и Альфред [Англичанин] или — среди самых современных — брат-минорит Александр [из Гэльса] или брат-проповедник Альберт из Кёльна должны быть причислены к самым замечательным, однако не для того, чтобы считать их авторитетами». Сказать, что даже лучшие из современных философов не являются «авторитетами», значило отказаться поставить кого-либо из западных мыслителей наравне с Аверроэсом, Авиценной или Боэцием и с еще большим основанием — наравне с Платоном или Аристотелем. Этим двоих автор оценивает более точно, чем можно было бы ожидать. Платона он ставит выше Аристотеля «за ясность ума, утонченность интеллекта, красоту языка, умение упорядочивать факты и смирять нравы». Однако Аристотель был для него несравненно выше как ученый, особенно в философии («*incomparabiliter studiosior et in philosophia certior*»). Их методы также различны: Платон не критикует своих предшественников, он прямо высказывает истину: «*auctoritate magis philosophica quam argumentatione*»*; Аристотель аргументирует, что-то доказывает, а что-то посредством силлогистических аргументов отвергает, приводя таким образом в порядок разрозненные познания, которые имелись ранее в области логики, естественных наук, этики и метафизики. Из всего этого он создал — в средние века этим восхищались более всего

— корпус учения, организованное знание, одним словом, «искусство»: «*regulas... confuse prius traditas in artem artificiosamque doctrinam et, ut aestimatur, completam, primus redegit, nonnullaque proprio studio adjecit*»**. Возникает вопрос: почему почти все древние греки и римляне вплоть до эпохи арабов предпочитали философию Платона? Маловероятно, что туманность его стиля могла сделать его произведения непроницаемыми для многих любопытствующих и в то же время проницательных умов. Но совершенно очевидна